

НЕ СТАЛО ПИСАТЕЛЯ Олега Павловича Кузнецова...

Он родился 22 сентября 1936 года в г. Москве. На Сахалин приехал в 1947 году. Жил в г. Корсакове, Холмске, учился в вечерней школе. С 1958 года был литсотрудником холмской газеты «Ленинское знамя». В 1963 году был переведен в г. Макаров, в межрайонную совхозно-производственную газету «Родная земля». В 1969 году окончил факультет журналистики Хабаровской Высшей партийной школы и был направлен на должность редактора газеты «Красное знамя» в г. Александровск-Сахалинский. С 1972 по 1975 год — редактор, старший редактор Сахалинского отделения Дальиздата. С 1975 по 1986 год — ответственный секретарь «Блокнота агитатора» в издательстве Сахалинского обкома КПСС, затем, по 1992 год, — директор Сахалинского отделения Дальиздата. Последние годы работал заведующим редакционно-издательским отделом Государственного архива Сахалинской области.

Еще во время учебы в Хабаровске заявил о себе как детский писатель, выпустив в краевом издательстве книжку «Роса на водорослях». Многие нынешние взрослые вырастали вместе с ранними книгами Олега Кузнецова. Такими, как

«Ребята, Тимка потерялся», «Тайфун», «Хозяйка рыбацкого стана», «Эскадра адмирала Веньки», «Быль о седом калане» и другие. Трепетное отношение к природе, пронизывавшее творчество писателя, ставило перед читателем вопрос: кто ты в этом неповторимом, наполненном живыми существами мире — дикий и неразумный пользователь природы или же самая разумная часть ее? И не вина писателя, что ответ был зачастую не в пользу человека. Те книги вызвали чувство доверия и интереса у юного читателя, без которых невозможна хорошая детская книжка. Они учили читателя вглядываться в глубины природы, что впоследствии помогало зорче смотреть и в глубину самой жизни. О тех ранних книгах О. Кузнецова можно много говорить, но одно очевидно — они делали важное дело, формируя у юных граждан нравственные основы.

Вместе с читателем выросла и тематика книг писателя. В 1985 году в г. Москве вышел его роман «Лагуна», рассказавший о трагической судьбе лагуны Буссе, о людях, повинных в ее уничтожении.

Новый этап его творчества в 90-х годах связан с обращением к почти столетней

истории Сахалина. В первой книге большого романа «И жили люди на краю...» повествуется о жизни русских людей на острове при японцах, об одном из самых смутных и малоизвестных периодов нашей истории в двадцатом столетии. Объемный том романа-дилогии «Они судьбу не выбирали», над которым писатель работал много лет, вместил в себя события русско-японской войны, жизни юга острова под японцами, боевые действия 1945 года, репатриацию японцев и прощание айнов со своей родиной... Трагедия разделенных корейских семей, переселение и обустройство русских при гражданском управлении, лагунки и строительство тоннеля через пролив, страшное цунами 1952 года на Курилах и многие другие события развернуты на страницах эпопеи. «Не можем мы быть Иванами, не помнящими родства! И если ничего подобного о сахалинской жизни не появится, то хоть моя книга будет...» — сказал как-то писатель в одном из своих интервью.

Историческая достоверность отличает и последующие книги О. П. Кузнецова «Возле моря», «А стрелки ходят по кругу», «В ожидании конфликта»... Писатель активно сотрудничал с журналом «Дальний Восток»,



был членом его редколлегии. В разные годы ему присуждались премии губернатора Сахалинской области, Сахалинского фонда культуры, международной премия имени Ю. Рытхэу. О. П. Кузнецов награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За трудовую доблесть» (1981), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2007). Являлся заслуженным работником культуры РФ, членом Союза писателей СССР (России) с 1973 года.

Память о талантливом писателе, надежном товарище, ярком и незаурядном человеке навсегда сохранится в нашей памяти и в сердцах.

Николай ТАРАСОВ,
ответственный секретарь Сахалинского
отделения Союза писателей России.

ОЛЕГ КУЗНЕЦОВ ТРИ САНТИМЕТРА

1
На улице нашей построили первый трехэтажный дом. Стали проезжать в него семьи рыбаков — тут-то и познакомились Петька с Генкой. А когда в квартиры были занесены все вещи, то Генка пригласил нового приятеля к себе в комнату.

— Смотри, какая летучка! — и, открыв чемодан, он, довольный, чуть отступил в сторону.

Петька с удивлением склонился над засушенной летучей рыбкой: заглянул в ее приоткрытый, с мелкими зубами рот, потрогал широкие, крепкие плавники-крылья.

— Папин друг подарил. Он по теплым морям ходит, а там из таких рыб, знаешь, уху варят. Скоро еще привезет.

— Я тоже одну вещь жду, — выпрямился Петька, — из Антарктиды. От брата.

— Ого-го, далеко у тебя брат забрался... А хочешь отцу привет передать?

У Петьки, как и у Генки, отец плавал на сейнере.

— Ну конечно, это здорово было бы...

— Идем! — захлопнул чемодан Генка. — Меня все диспетчеры знают.

Они выбежали из подъезда, врезавшись в ватагу мальчишек. Полный, в берете с поросычим хвостиком, показал рулетку.

— Вот, измеряем рост. Давай и вас...

Сперва измерили Генку, потом — Петьку. И Петька оказался на три сантиметра ниже.

Мальчишки зашумели вокруг Генки:

— Ты чемпион в высоту.
— В баскетбол играешь, а?
— Пока! — вскинул руку Генка.
— Нам некогда. — И, повернувшись к Петьке, весело засмеялся: — Ты что так, на целых три? Каши мало ел, что ли?

2
Они быстро шли по бетонному причалу. У стенки его не было ни одного судна, кроме старо-

го «жучка». Набегавшая волна как бы подныривала под катер, поднимая его на свою спину, и он кранцами — стертими автомобильными покрышками — прижимался к причалу. Волна откатывалась, «жучок» точно проваливался, и державший его канат рывком натягивался.

Петька заметил вдруг, как от одного из рывков лопнуло сразу несколько рыжих от ржавчины проволочек. Глаза мигом скользнули по канату: ближе к судовому кнехту он был совсем тонкий, вот-вот разорвется.

— Дяденька капитан, вас отрывает! — отчаянно закричал Петька.

Но на палубу никто не вышел. И тогда Петька с разгону перескочил на катер, обеими руками потянул на себя дверь и боком протиснулся в рубку.

Петька разом увидел штурвальное колесо, картушку компаса, какой-то железный ящик в углу и на ящике — робу. По трапу скатился вниз, в каюту. Никого... «Где же вахтенный?» — растерянно подумал Петька. Но размышлять об этом было некогда. «Придется самому», — решил он и кинулся на корму — там лежал новый канат, целый моток.

Тут прыгнул на судно Генка и вместе с Петькой взялся размазывать канат. Генка почувствовал себя заправским моряком. Даже захотелось, чтобы на причале кто-нибудь появился. Пускай видят, как он совершает подвиг!

— Подашь мне конец! Я знаю, как завязывать. — Генка бросился назад, к борту, но катер вдруг ухнул вниз — причал подбросило и потянуло к городу.

3
Генка не понял, как очутился на прежнем месте. Ветер вздыбил его волосы.

— Ты виноват. Ты-ы... — он замахал руками и закричал, зовя на помощь.

Петька разжал пальцы — на палубу глухо бухнул канат. — Чего я? Нарочно? — и он тоже

стал кричать и махать.

Низкое здание диспетчерской белело в углу причала, у невысокой сопки.

— Ну и диспетчер, — оказал Генка, — обрадовался, что все сейнеры на лове, а чужие катера заходят, так и не видит. Это же посудина из рыбколхоза.

Причал удалялся. Генка злобно смотрел на его стенку, высокую и гладкую. Разве на такую залезешь? Доплывешь — и все...

Катер тянуло наискось от причала к каменному выступу. Волны все больше взбухали и, пенясь, налетали на бессильный катер. По палубе растекалась вода.

Диспетчерскую уже закрыло мысом. За ним берег выгнулся подковой, как бы отступил перед морем. А дальше — новый мыс, и на нем — башня маяка.

В рубке становилось все сумрачнее.

Город засветился огнями, далекими и уютными. Вверх, под самыми тучами, вспыхнула полоса света и тотчас погасла.

— Сигналы, сигналы! — закричал Петька. Проблеск маяка напомнил ему, что на любом судне должна быть таблица сигналов, и он начал шарить руками по стене. Генка ткнулся носом в стекло:

— Где сигналы?
Петька не ответил. Он уже вглядывался в кружочки, стараясь различить, где белые, зеленые, красные. Он так напряг зрение, что заняло в висках.

— Зеленый внизу. Справа. И красных два, сверху.

— Где? Где ты видишь?

— Идет вправо... Не то.

Генка попятился: что с Петькой? Чего он шепчет? Катер резко накренило — Генку толкнуло в угол, на железный ящик. В робе щелкнул коробок спичек.

— Генка! — Петька отделился от стены, закачался как призрачок. — Генка, надо вывесить два красных огня. Друг над другом. Это значит: судно лишено управления. Вот увидишь, с маяка заметят, и на помощь придет кто-то из рыбаков.

Мальчишки принесли в рубку три старых керосиновых фонаря. Третий взяли на всякий случай.

Над фитилем заколебался яркий лепесток огня. Петька задвинул стекло.

— Теперь засигналим.

Генка, стоя за спиной Петьки, поежился:

— На мачту хочешь?

Петька кивнул и по скоб-трапу полез на рубку. Здесь качало сильнее. Он обхватил ладонями мачту, уперся ногой в припаянное к ней кольцо.

Генка подал ему фонарь.

Держаться одной рукой было трудно. Быстрее бы дотянуться до крюка. Вот сейчас. Еще немного. Это оттого, что качает, никак нельзя повесить фонарь. Нужно выбрать момент. Как наклонит, так — раз...

Судно снова накренилось, и Петька весь подался вверх и чуть в сторону — железо чиркнуло о железо... Нет, не выходит так. Надо подтянуться.

Но, сделав и это, Петька вдруг понял: виновата не качка, а просто он не достает до крюка.

Генке же показалось, что фонарь уже на крюке, и он побежал за другим.

У самой двери из темноты выкатилась волна, сбила Генку с ног. Он вскопчил, весь мокрый, — его трясло и тошнило.

В рубку вбежал Петька.

— Гена, повесь ты.

— Отстань от меня! Отстань! — заорал Генка. Он, кажется, плакал.

— Ты что... сдурел? Я не достаю, а ты выше.

Ерунда! Это толстяк нарочно подстроил, что Генка на три сантиметра выше. Он тоже не достает. И вообще с него хватит. Он уже понял, очень хорошо понял, что погибнуть можно запросто. За одну секунду.

Звякнула дверь. Генка поднял голову. Под штурвальным колесом по-прежнему горели два фонаря — тени от колеса, ломаясь, ползали по стенам и потолку.

Генка придвинулся в угол, вытер рукавом лицо. А может, он и выше, все равно какой толк вешать фонари? Днем никто не увидит, а ночью кому надо?

Лучше дождаться рассвета: схватятся, что «жучка» нет, искать будут.

Катер раскачивало. Петьку то ударяло о мачту, то откидывало от нее, и тогда палуба уходила под рубку — черная вода шевелилась внизу. Петьке было страшно и от этих черных переворачивающихся волн, и от ими поднятого из глубин холода, и еще от того, что он — один. Но, чувствуя страх, Петька все отчаяннее тянулся к крюку.

Вдруг море вдали осветилось — вдоль берега навстречу «жучку» шло какое-то судно.

Петька закрутил над головой фонарь:

— Сюда! Сюда-а!

И тут внезапно, как молния, темноту расклинил поток света. Проектор ударил откуда-то с противоположной стороны. А может, даже с берега. Петька не знал: его ослепило — свет резал глаза до боли, до слез. Но это был радостный, спасительный свет, свет жизни.

4

Из далекой Антарктиды на имя Петьки Гротова пришла бандероль. Он взвесил ее на ладони: тяжелая. Тут же, на почте, нетерпеливо вскрыл ее, и на обыкновенный, измазанный чернилами и клеем стол вывалился антарктический камень. Это был прохладный серовато-синий камень, от него еще пахло чистыми нетающими льдами.

Зажав его в кулак, Петька понесся домой. Уже в подъезде, совсем устав от бега, он остановился передохнуть и услышал, что сверху кто-то спускается.

— Это что, летучка! — раздался Генкин голос. — Там из таких уху варят. Я вот попрошу...

Генка осекся, заметив Петьку, перегнулся через перила и стал смотреть куда-то вниз, словно что уронил.

Петька прошел мимо, мельком глянув на нового Генкиного приятеля — лохматого, с завистливыми глазами.

Сильнее сжав самый настоящий антарктический камень, Петька побежал дальше.